

СОДЕРЖАНИЕ

Вскрытие (<i>перевод Романа Демидова</i>)	5
Ангел Смерти (<i>перевод Анастасии Колесовой</i>)	72
Полифем (<i>перевод Натальи Масловой</i>)	120
Дядюшка Таггс (<i>перевод Анастасии Колесовой</i>)	210
Жемчужины Королевы-Вампира (<i>перевод Натальи Масловой</i>) . .	252
Кошмар в тридцать третьем автобусе (<i>перевод Анастасии Колесовой</i>)	321
Статист (<i>перевод Анастасии Колесовой</i>)	355
Тест-драйв «Гранта-12» (<i>перевод Анастасии Колесовой</i>) .	398
Тот самый жаб (<i>перевод Анастасии Колесовой</i>)	416
Жирная Морда (<i>перевод Романа Демидова</i>)	432
Nemo me impune lacessit (<i>перевод Анастасии Колесовой</i>)	475

ВСКРЫТИЕ

Доктор Уинтерс вышел из крошечного здания автовокзала на пахнущую соснами полуночную улицу. Единственный свет горел в его окне, если не считать люминесцентного циферблата через несколько домов дальше по улице и маленькой неоновой рекламы пива через два квартала. Шумела река. Она бежала по дну глубокого ущелья к западу от городка, но тот был всего несколько улиц в ширину и около мили в длину, поэтому приглушенный рев течения слышался отчетливо — словно призрачный поток тек меж темных берегов-витрин. Пройдя несколько шагов, доктор Уинтерс поставил чемодан на землю, засунул руки в карманы и посмотрел на звезды — бесчисленные, словно камешки в черном заливе.

— Горное селение... шахтерский городок,— проговорил он.— Звезды. Луны нет. Мы в Бейли.

Он обращался к своей раковой опухоли. Она росла у него в желудке. С тех пор, как доктор узнал о ее существовании, он завел привычку иронично с ней

беседовать. Так он демонстрировал свое радушие по отношению к этой незваной гостье — Смерти. Она не дожидется от него грубого приема, ведь это сделает ее победу абсолютной. Впрочем, разумеется, ее победа *и так* будет абсолютной, хоть с иронией, хоть без.

Он снова поднял чемодан и пошел дальше. Звездный свет превращал черноту окон в смутные зеркала, отражавшие проходившего мимо человека: поджарого, как ящерица, седовласого (в пятьдесят семь лет) мужчину, прибывшего сюда по делам смерти, носившего собственную смерть в себе самом и даже хранившего одежды смерти в своем чемодане. Ибо тот был наполнен — помимо набора медицинских инструментов и кое-каких предметов первой необходимости — патолого-анатомическими мешками. Шериф рассказал ему по телефону, что тела временно укрыли тем, что было под рукой, и поэтому доктор прихватил мешки с собой, с горьким весельем упаковывал их в чемодан, а последний приложил к груди перед зеркалом, как женщина прикинула бы платье, и сказал своему раку:

— О да, здесь хватит места для нас обоих!

Чемодан был тяжелым, и доктор часто останавливался отдохнуть и взглянуть на небо. Та еще ночная работенка — копаться в вонючей бездушной грязи, обратив взгляд долу, под таким звездным куполом! На то, чтобы достать десятерых шахтеров, ушло пять дней. Осеннее равноденствие уже миновало, но температура оставалась неизменно высокой. А на такой глубине под землей, без сомнения, было еще жарче.

Доктор вошел в здание суда через боковую дверь. Его каблуки застучали по укрытому линолеумом полу коридора. Находившаяся в конце этого коридора дверь, на которой было написано «НЕЙТ КРЕЙ-ВЕН, ШЕРИФ ОКРУГА», распахнулась прежде, чем он успел к ней подойти, и друг доктора вышел ему навстречу.

— Черт побери, Карл, ты по-прежнему тощий, как хлыст. Давай сюда свой чемодан. Ты и так уже в хорошей форме. Тебе упражнения ни к чему.

Чемодан повис в его лапище, точно невесомый; бычьи плечи шерифа ничуть не перекошились. Несмотря на подразумевавшееся в его словах самоуничтожение, для человека своих лет и размеров Крейвен был лишь слегка полноват. У него было грубо вылепленное лицо, а зеленоватые глаза из-за массивных лба, носа и челюсти казались маленькими, но только до тех пор, пока ты не заглядывал в них и не ощущал скрывавшийся за ними цепкий и пронизательный ум. В кабинете шериф до середины наполнил две чашки кофе из кофейника, а потом долил их доверху бурбоном из лежавшей в столе бутылки. К моменту, когда чашки опустели, они закончили обмениваться новостями об общих знакомых. Шериф смешал еще по чашке кофе с бурбоном и молча глотнул из своей, очевидно, готовясь перейти к делу.

— Есть такое выражение — «жестокая справедливость», — сказал он. — Вот теперь я знаю, что это такое. Один из твоих будущих... пациентов? Он был убийцей. Господи, «убийца» — это не то слово. Это

еще не самое плохое, что о нем можно сказать. То, что взрыв прикончил *его*, — вот это была справедливость. А жестокость заключается в том, что он прихватил с собой еще девятиерых. И знал бы ты, как это меня злит, Карл! А если твой начальничек-лизоблюд добьется своего, их смертью жестокость не ограничится! Их родные даже компенсацию не получают! Вот скажи мне — он хребет себе еще не поломал? От того, что так сильно прогибается под «Фордемскую страховую»?

— Я так понимаю, ты имеешь в виду почтенного Уоддлтона, коронера округа Фордем.— Доктор Уинтерс глотнул кофе. Потом изящно раздул ноздри, продемонстрировав этим все отвращение, презрение и желчь, накопившиеся у него за четыре года работы патологоанатомом под началом Уоддлтона. Шериф рассмеялся.— По тому, что говорит коронер, редко можно что-нибудь понять четко,— продолжил доктор.— Он помянул твое имя всуе. Страстно и неоднократно. Эти выражения послужили началом его речи. Затем он развил тему строгой ответственности нашей службы перед буквой закона вообще и закона о выплатах материальной компенсации при смерти на рабочем месте в частности. Деньги выплачиваются только родственникам покойных, чья смерть произошла *в результате* их работы, а не просто в ее *процессе*. Жертвы маньяка, хоть и погибли на работе, ни в коем случае не подпадают под действие этого закона. После этого мы обсудили трагическую несправедливость того, что страховую компанию — *любую* страховую компанию — могут обязать выплатить

материальную помощь гражданам, не имеющим на нее никакого права, исключительно из-за халатности и некомпетентности ведущих следствие полицейских. Вновь всплыло твое имя, и коронер Уоддлтон подверг его дальнейшему поруганию. «Фордемская страховая», неважно, является она политическим спонсором или нет,— все-таки крупная страховая компания и, следовательно, заслуживает того же справедливого отношения, что и все подобные ей компании.

Крейвен издал злобный лающий смешок и метко плюнул в корзину для мусора.

— Ах, этот беспристрастный слуга народа! Что такое семь вдов и шестнадцать детей-иждивенцев в сравнении с «Фордемской страховой»? — Он осушил свою чашку и вздохнул. — Вот что я тебе скажу, Карл. Мы пять дней откапывали этих людей, а последние два дня вдобавок еще и просеивали половину этой горы в поисках следов взрывчатки, пока страховые следователи стояли у нас над душой, но все, что они смогли сказать,— это что существуют «убедительные косвенные доказательства» взрыва бомбы. Так вот, я этим не удовольствуюсь, потому что не обязан этого делать. Уоддлтон может засунуть свои «исключительные обстоятельства» себе в зад. Если ты ничего не обнаружишь в их телах, значит, на этом со вскрытием будет покончено и их похоронят здесь, как этого желают их семьи.

Доктор улыбался другу. Он допил кофе и заговорил с прежней иронической отстраненностью, как будто шериф и не прерывал его рассказа.

— Затем почтенный коронер с примечательным многословием коснулся темы форм о согласии на вскрытие и злонамеренного воздействия облеченных властью представителей закона на частных лиц. Так получилось, что у него на рабочем столе как раз лежала стопка подобных форм, уже подписанных, и над каждой подписью была пропечатана дополнительная оговорка. Весьма обоснованная. Помимо прочего, она обладала способностью окрашивать лицо коронера в фиолетовый цвет, когда он зачитывал ее вслух. А зачитал он ее мне три раза. Судя по всему, родные погибших были согласны на вскрытие при двух условиях: во-первых, оно должно проводиться *in loco mortis*, то есть в Бейли, и, во-вторых, покойные могут подвергнуться повторному вскрытию или вывозу из Бейли только в случае, если патологоанатом коронера обнаружит конкретные доказательства насильственной смерти. Очень хорошо сформулированная оговорка. Помню, как мне было интересно, кто ее написал.

Шериф задумчиво кивнул. Он взял опустевшую чашку доктора Уинтерса, поставил рядом со своей, наполнил обе бурбоном на две трети и плеснул в чашку доктора немножко кофе. Друзья обменялись спокойными взглядами, как покеристы во время решающего противостояния. Шериф перевел взгляд на свою чашку, отпил из нее.

— *In loco mortis*. А... что это, собственно, значит?

— «На месте гибели».

— О. Долить тебе?

— Спасибо, я только начал.

Они рассмеялись, умолкли и рассмеялись вновь — иные могли бы заметить, что излишне громко.

— Он, по сути, сказал мне, что я *обязан* отыскать хоть какой-нибудь повод для повторного вскрытия,— наконец проговорил доктор.— Он душу бы продал — или заложил повторно — за передвижной рентгеновский аппарат. И он прав, конечно. Если в этих телах засели осколки бомбы, это был бы самый быстрый и надежный способ их обнаружить. Меня до сих пор поражает, что ваш доктор Парсонс так и не починил свой рентген.

— Он вправляет кости, зашивает раны, выписывает рецепты, а все сложные случаи передает ниже по склону горы. И даже с этим едва справляется. Пьяницы мало на что способны.

— Все так плохо?

— Он кое-как держится, но и только. Уоддлтон был прав, что не дал ему полномочий патологоанатома. Он и пушечного ядра в дохлой крысе не отыщет. На людях я такого говорить бы не стал, пока он справляется со своими обязанностями, но здесь все знают, что это правда. В половине случаев это его пациенты за ним присматривают. Но Уоддлтон прислал бы тебя независимо от того, кто здесь работает. Для политических союзников вроде «Фордемской страховой» — только самое лучшее обслуживание.

Доктор посмотрел на свои руки и пожал плечами.

— Итак. В числе погибших есть убийца. Так были на самом деле бомба?

Шериф медленно поставил локти на стол и прижал ладони к вискам, как будто вопрос поднял у него

в голове бурю воспоминаний. Впервые доктор — весь разговор прислушивавшийся к никогда не умолкавшим предвестьям смерти у себя внутри — заметил, насколько его друг устал: руки подрагивают, под глазами синяки.

— Когда я расскажу тебе, что мы знаем, у тебя, должно быть, возникнут предположения насчет того, что я в связи с этим предпринимаю. Но мне кажется, что в этом случае дальше предположений никто из нас не пойдет. Это одно из тех самых кошмарных особых дел, Карл. Тех, до сути которых никто и никогда не докопается.

Ну ладно. Около двух месяцев назад у нас тут пропал человек — Рональд Хенли. Шахтер и надежный, как скала, семьянин. Однажды вечером не вернулся домой, и мы не нашли ни единого следа. Ну что ж, иногда такое случается. Где-то через неделю пропала хозяйка прачечной, Шерон Старкер, и тоже бесследно. Вот тут мы занервничали. Я объявил по местному радио, что в округе, возможно, орудует псих, и дал подробный инструктаж о мерах предосторожности. По ночам мы выгоняли на улицы обе наши патрульные машины, а днем стучались в каждую дверь, проверяя у всех алиби на время обоих исчезновений.

Без толку. Быть может, тебя обманула эта форма и ты считаешь, что я — слуга закона, защитник людей и все такое прочее? Естественная ошибка. Так многие обманулись. Меньше чем за семь недель пропали шестеро — как в воду канули. Мы с моими помощниками с тем же успехом могли круглые сутки пролеживать в постели — ничего бы не изменилось. — Шериф

осушил свою чашку.— Но в конечном итоге нам повезло. Только не пойми меня неправильно. Мы не предотвратили преступление в припадке бурного энтузиазма. Однако мы нашли труп — вот только это был не труп кого-то из семерых пропавших. Мы начали регулярно прочесывать леса, окружающие город, с помощью временных помощников из числа шахтеров. Так вот, на прошлой неделе с нами пошел один из этих ребят. Было жарко — такая температура тут уже давненько держится — и очень тихо. Он услышал какое-то гудение, огляделся и увидел, что над развилкой дерева роятся пчелы. Но ему хватило ума сообразить, что в здешних местах они встречаются редко. Так что никакие это были не пчелы. Это были мясные мухи, целое облако чертовых мясных мух, и кружили они над чем-то, завернутым в брезент.

Шериф внимательно изучил свои костяшки. За свою насыщенную жизнь он порой встречал людей, достаточно образованных, чтобы знать, что означает его фамилия,¹ и достаточно опрометчивых, чтобы в открытую над этим потешаться, и костяшки шерифа — покрытые шрамами шишки — красноречиво говорили о том, как он на это реагировал. Он вновь посмотрел в глаза своего старого друга.

— Мы стащили этот сверток на землю и развернули его. Билли Ли Дэвис, один из моих помощников — он был во Вьетнаме, видел там очень, очень неприятные штуки, но держался... Так вот, Билли Ли выблевал

¹ *Craven* (англ.) — трус, малодушный человек. (Здесь и далее прим. пер.)